

DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-148-171

УДК 008

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н.В. Михайлова

Цель. *Статья посвящена анализу материальной культуры как пространству существования человека. Предметом анализа выступает система взаимосвязей человека с пространством материальной культуры. Автор ставит целью через анализ структуры материальной культуры и её место в системе культуры в целом раскрыть сущность человека как биосоциального существа.*

Метод и методология проведения работы. *Основу исследования образуют принцип системного анализа, культурологический и культурантропологический подходы, а также методы типологизации и анализа письменных источников.*

Результаты. *Результаты работы заключаются в том, что автор рассматривает материальную культуру как состоящую из ряда групп элементов, как внешних по отношению к человеку (вещи, техника, технологии), так и самого человека через его телесность и технологии тела (физическая культура). Анализируется положение данных элементов в системе координат «универсальное – региональное (общее) – специфичное».*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в сферах социализации и инкультурации человека, анализа кросс-культурных взаимодействий.*

Ключевые слова: *материальная культура; вещи; техника; физическая культура; телесность; потребности; адаптация*

Для цитирования. *Михайлова Н.В. Человек в пространстве материальной культуры // Russian Studies in Culture and Society. 2023. Т. 7, № 2. С. 148-171. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-148-171*

Original article | Theory and History of Culture and Art

A HUMAN IN SPACE OF MATERIAL CULTURE

N.V. Mihailova

Purpose. *The article is devoted to analysis of material culture as space of human existence. The subject of the analysis is a system of human relations with space of material culture. The author aims to reveal essence of a man as a biosocial being through analysis of a structure of material culture and its place in a cultural system as a whole.*

Methodology. *The research is based on a principle of system analysis, culturological and cultural anthropological approaches, as well as on typologization and analysis of written sources methods.*

Results. *The results of the work are that the author considers material culture as consisting of a number of groups of elements, both external to a human (things, technics, technologies), and a human oneself through one's physicality and body technologies (physical culture). A position of these elements in a coordinate system "universal – regional (general) – specific" is analysed.*

Practical implications. *Results of the study can be applied in fields of human socialization and enculturation, analysis of cross-cultural interactions.*

Keywords: *material culture; artefacts; technics; physical culture; physicality; needs; adaptation*

For citation. *Mihailova N.V. A Human in Space of Material Culture. Russian Studies in Culture and Society, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 148-171. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-148-171*

Введение

К материальным элементам культуры в культурологии относят совокупность физических объектов, созданных человеком, несущих некое символическое значение, выполняющих определённую функцию и представляющих ценность для группы или общества (так называ-

емые артефакты). К сфере материальной культуры в определённом смысле можно отнести и связанные с производством артефактов процессы и технологии. Но под материальной культурой понимается не просто создание мира предметов, но деятельность по формированию «условий человеческого существования». [10] Человек не исчерпывается материальным, но материальное в культуре делает собственно человеческое существование возможным. Пространство материальной культуры является сферой реализации самых разнообразных человеческих потребностей, направленных на адаптацию к условиям жизни, биологическим и социальным: от потребностей укрывать, защищать своё тело от негативного воздействия окружающей среды до потребности украшать своё тело для демонстрации своего социального статуса и многое другое. Это принципиально отличает человека от других живых существ: не только наличие активной духовной жизни в формах науки, искусства, морали и т.д., но и потребность, и способность дополнять и расширять себя различными предметами, выстраивать вокруг себя целую новую вселенную, вторую природу. Непрерывность, незавершённость и принципиальная незавершаемость познания данной вселенной (так же, как и «первой природы») в сочетании с социальной необходимостью такового определяет актуальность её исследований и размышлений о ней.

Особенно интересными, в частности, представляются вопросы о том, из чего складывается пространство материальной культуры, отражая и реализуя потребности человека; как в пространстве материальной культуры собственно материальное взаимодействует с идеальным, отражая и формируя биосоциальную сущность человека; как в пространстве материальной культуры взаимодействуют случайное и необходимое, универсальные, региональные / общие и специфические элементы, и как они меняют свой статус.

Материалы и методы

Для поиска ответов на эти и другие вопросы мы обратимся, прежде всего, к теории и истории культуры (включая историю идей), к системному подходу, лежащему в основе культурологического

знания, к культурантропологическому подходу, дающему возможность смотреть на человека как на порождённого миром культуры и одновременно порождающего его в ходе своей адаптивно-адаптирующей деятельности.

Результаты и обсуждение

С точки зрения науки о культуре, сущность вещей, которые создаёт человек, не только и не столько в некой предметной форме, сколько в их предназначении. Вещи выражают и задают отношение человека к окружающему миру, другим людям, себе самому, высшим силам. Хороший совет о том, как познавать предметы и рассуждать о них, дал писатель, учёный, мыслитель Клайв Стейплз Льюис (Clive Staples Lewis): «Берясь судить о любом изделии от штопора до собора, первым делом нужно знать, что это такое – для чего оно предназначалось и как его думали использовать... Сначала надо понять, что перед вами; пока вы думаете, что (...) собор [предназначен для того] чтобы развлекать туристов, вы не знаете [его] назначения» [6, с. 460].

Каждая вещь воплощает определённое отношение человека к чему-то, а появление новых вещей – изменение этого отношения. Например, появление автомобиля связано с изменением отношения к расстоянию. На протяжении XIX столетия западный человек стремился быть всё более мобильным и активно осваивать пространство (что так же воплотилось, скажем, в институционализации туристической деятельности), в отличие от человека традиционного, который относился к чужим местам и пространству настороженно и не стремился к географической мобильности. Расстояние было тем, что разделяло, отделяло привычное и безопасное от непознанного и угрожающего. Зачем же его пересекать без особой необходимости, если ты не воин или торговец? Для человека современного, человека эпохи модерн расстояние – это то, что можно и нужно покорить, демонстрируя этим свой потенциал и получая от этого новые возможности. С другой стороны, с появлением автомобилей начала меняться, в частности, архитектура пространств. Если раньше закладывалась,

в основном, статическая картина, чтобы красивыми видами человек мог любоваться, не сходя с места, то теперь архитекторы учитывают и закладывают динамическую картину – красота воспринимается из окна автомобиля, и потому она, в первую очередь, не в деталях, не в отдельных зданиях, а в их сочетании, в скользящем пейзаже. [4]

С одной стороны, мы можем исходить из того, что появление новых вещей даёт человеку новые возможности, в результате этого и происходит изменение отношений с окружающим миром. Например, появление автомобиля дало возможность человеку быть более мобильным и послужило изменению его отношения к расстояниям и пространствам. Однако, с другой стороны, можно отметить, что каждая вещь, что называется, возникает в своё время. Не случайно открытия часто совершаются разными людьми практически одновременно (например, изобретение радио). Или, напротив, существует множество примеров того, как изобретения, патенты оставались невостребованными на протяжении десятилетий (например, инженерные творения Леонардо да Винчи). Видимо, чаще всего первой складывается потребность в новых отношениях с окружающим миром, а вещь удовлетворяет эту потребность, фиксирует её в некой предметной форме. Если же потребность, которую вещь могла бы удовлетворить, отсутствует или свойственна лишь очень ограниченному кругу людей (как, например, погружение в морские глубины в эпоху Возрождения), вещь, даже будучи изобретённой, не получит распространения на том историческом этапе (скажем, водолазный костюм или подводная лодка).

Показательно, что одна и та же социокультурная тенденция выражается в целом ряде культурных явлений, и возникновение вещи или вещей с тем или иным функционалом – только одно из этих явлений. Например, в современном мире обнаруживается социокультурная тенденция трансформации способов общения. Она, с одной стороны, скажем, воплощается в пристальном внимании философии и различных наук к проблемам коммуникации, с другой – в трансформации нормативной сферы, регулирующей общение, с третьей - связывается с появлением таких артефактов, как телефон

(сначала стационарный, затем мобильный), таких технологий, как интернет-связь (сначала электронная почта, затем мессенджеры, общение с помощью веб-камер, блогосфера и т.д.). Суть этой тенденции трансформации общения – с одной стороны, в увеличении степени его доступности (на это работают и появившаяся в XX столетии наука межкультурная коммуникация, и ослабление нормативного регулирования общения, и широкое распространение средств связи, и многое другое). С другой стороны, - суть в том, что называется дискретностью, прерывистостью, отсутствием цельности и подлинности общения. Здесь можно провести аналогию с массовой культурой, для которой характерна доступность, но, зачастую, отсутствие глубины и подлинности. То есть характер современной коммуникации и массовой культуры выражают, по сути, одну культурную тенденцию. В результате складывается парадокс, о котором много говорят, – нарастание доступности общения сопровождается нарастанием ощущения одиночества.

Данный пример, помимо прочего, показывает, что вещь, выражая какую-либо культурную тенденцию, зачастую позволяет эту тенденцию обнаружить. Например, многообразие технических средств коммуникации символически намекает нам на то, что есть потребность к экстенсивному развитию общения, к его расширению, глобальности охвата (не к углублению). Эта тенденция вписывается в общий характер развития современной культуры – она вся стремится, в первую очередь,вширь, а не вглубь, к развитию количественному, а не качественному. Таким образом, благодаря своей связи с потребностями (не только физическими), с отношениями, совокупность вещей, окружающих человека, задаёт не только материальное, но и символическое пространство его бытия. Не случайно символ всегда имеет материальное воплощение.

Символом современности стала техника. Техника – одно из наиболее противоречивых явлений XX – XXI вв., это отражается в том, сколь многообразны подходы к её осмыслению. Попытки понять, проанализировать сущность техники стали особенно активными с последней трети XIX в. Это не случайно, поскольку именно к кон-

цу XIX столетия западная индустриальная цивилизация приходит к своему расцвету.

Так, в последней трети XIX в. в Германии оформляется особая область философского знания - философия техники. Одним из основных векторов её развития стал поиск антропологических оснований возникновения и существования техники. Была сформулирована идея, что в основе техники лежит принцип «органопроекции», то есть человек во всех своих созданиях бессознательно воспроизводит свои органы и сам познаёт себя, исходя из этих искусственных созданий [12]. Получается, в каком-то смысле, техника создаётся по образу и подобию человека.

На рубеже XIX-XX столетий формируется общая теория техники. Она тесно связана с формированием и развитием таких понятий, как праксиология и технология. Праксиология – это учение о человеческой деятельности, о реализации человеческих ценностей в реальной жизни. Различные действия и их совокупность здесь рассматриваются с точки зрения их эффективности. Технология, соответственно, - это совокупность методов и инструментов для достижения желаемого результата, как бы искусство достигать желаемого. Техника же, получается, может являться одним из этих инструментов.

В начале XX столетия трактовка техники расширяется. Против чисто «инструментального» понимания техники, например, выступает немецкий философ и учёный Фридрих Дессауэр (Friedrich Dessauer). Дессауэр – пример тех учёных и инженеров, представителей технической интеллигенции, которые пытались примирить науку и религию. Он уделяет основное внимание гносеологическим проблемам техники. То есть технику можно и нужно рассматривать, как считает Дессауэр, с акцентом на техническое изобретательство как способ познания мира. Философское понимание техники здесь связывается с философским пониманием мира. Постигание сущности техники осуществляется через постижение процесса изобретения. [3] А через процесс изобретения человек осуществляет взаимодействие с Богом, человек техническими изобретениями служит Богу, помогает

Ему дальше строить Его мир. На примере взглядов Дессауэра мы видим, как философы и учёные пытаются осмыслить техническое изобретательство как подлинно творческую деятельность, связать её с познанием сущности мира, бытия, усилить таким образом её позитивное значение.

Наряду с акцентом на позитивную сущность техники развивались и пессимистические подходы. Пессимистические и алармистские взгляды на технику и современную цивилизацию, важной чертой которой является техника, становятся популярными в первой трети XX века. Техника здесь, как правило, вписывается в целый комплекс других опасных явлений (например, формирование массовой культуры). Эти взгляды находят своё отражение в первую очередь в философии и художественной литературе, в меньшей степени в науке. В качестве примера можно привести теорию цивилизации немецкого философа Освальда Шпенглера (Oswald Spengler). Для Шпенглера цивилизация – это последняя стадия развития культуры, и одной из черт этой стадии является то, что человек превращается в раба машины. [15]

В России тоже в это время наблюдалась разница в подходах к осмыслению проблемы техники. В целом можно видеть схожие с западными пути развития мысли. Первый представлен, в частности, инженером-механиком, философом техники Петром Климентьевичем Энгельмейером, занимавшимся популяризацией технической мысли. Энгельмейер разрабатывает теорию «техницизма» - взгляд на человека как на существо техническое, то есть которое не только хочет, но и может достигать цели, осуществлять свои идеалы, воздействуя на окружающее. В самом общем плане техницизм для Энгельмейера – это строительство жизни. К технике же он относит всё, что имеет определённый план работы, ход, способ выполнения задачи. [17] Но здесь не идёт речь о чистом рационализме - Энгельмейер разрабатывает общую концепцию творчества, «эврилогию», рассматривает инженерную деятельность как искусство. [16] Инженер высокого класса, по Энгельмейеру, это и производительник, и предприниматель, и своего рода учёный, экономист, психолог,

художник и т.д. В своей деятельности настоящий инженер как бы гармонизирует духовное и материальное.

Второй, скептико-пессимистический, подход к осмыслению техники в отечественной мысли был представлен, в частности, религиозным философом Николаем Александровичем Бердяевым. Бердяев уделял большое внимание развитию философской теории свободы и полагал, что машина не только освобождает, но и по-новому поработает человека. В появлении машины он видел конец традиционного гуманизма и его ценностей, при том, что для Бердяева так же, как для Энгельмейера, одной из высших ценностей, гуманистических ценностей, являлось творчество. В своём произведении «Смысл творчества» он отмечает, что «творческая свобода» в человеке является «знаком образа Творца» [1]. Но машина для него – это не результат инженерного искусства, высокой творческой деятельности мастера, это то, что лишает права на творческую свободу других, неся единообразие и механистичность.

Мы видим, что одна и та же призма – ценность творческой деятельности человека, которая признаётся всеми мыслителями, поразительным образом даёт разные картинки, когда мы через неё смотрим на технику. И эта двойственность отражает противоречивую сущность самого явления, самой техники, и шире - двойственную сущность самого вещного мира, материальной культуры: он может освобождать, развивать, а может ограничивать и поработать.

Перенесём наше внимание на вторую половину XX столетия. В 70-80-е гг. в центре анализа и обсуждения техники оказываются этические проблемы: становится очевидно, что бурное развитие техники порождает различные этические вызовы. Например, эта проблематика находит отражение в работах американского философа, социолога, историка Льюиса Мамфорда (Lewis Mumford) [7]. Он изучал и периодизировал историю техники, уделяя значительное внимание взаимодействию техники и человека. Мамфорд является представителем так называемого негативного технологического детерминизма. По его мнению, главной причиной всех социальных зол является всё возрастающий разрыв между уровнем технологии

и нравственностью. Научно-технический прогресс, который был реализован в эпоху Нового времени, он называет «интеллектуальным империализмом». Как у любого империализма, у него есть жертвы. Такими «жертвами» научно-технического прогресса стали гуманизм и социальная справедливость. Мамфорд называл учёных сословием новых жрецов. [2]

Идея о социальной справедливости как жертве научно-технического прогресса сегодня очень актуальна. Мы видим, сколь неравномерно распределяются плоды научно-технического прогресса, на сколь многое в жизни человека влияет доступ к ним или его отсутствие, например, к электронным средствам коммуникации. Так, проявлением социальной несправедливости является ситуация, когда нормой начинает считаться то, что могут себе позволить далеко не все. Техника становится своеобразным капиталом, и им определяется ценность человека и его право на доступ к основным благам.

В 80-90-е гг. XX века, то есть сравнительно недавно, в центр внимания попали экологические последствия научно-технического прогресса, влияние техники и технических комплексов на природу. Данный ракурс основан на том, что сфера техники формируется не просто как некий мостик между человеком и природой, как технология эффективного существования и развития человека в естественной среде, а как то, что со временем естественную среду начинает уничтожать. Человек не смог остановиться, и его деятельность, культурная деятельность в широком смысле этого слова, становится не оптимизирующей, а агрессивной.

Таким образом к концу XX столетия оформился опыт комплексного культурологического анализа техники. Можно сказать, что это направление является приоритетным сегодня – взгляд на технику как на сложное, многомерное явление культуры. Основные темы, которые считается важным разработать, проблемы, которые считается важным понять, следующие: - как связаны техника и существующие ценности, и как они должны быть связаны; как мы должны оценивать те или иные технические изобретения, какими должны быть критерии оценки, на какие идеалы будущего при этом ориентироваться, как

оценивать технику через призму человеческого измерения; - какова роль техники в бытии человека и человечества, её воздействие на социокультурную динамику, то есть на развитие общества и культуры; - какой тип отношения человека к миру, к природе формируется на основе техники и под её воздействием; - вопросы о том, какое место техника занимает в сообществе людей и какое должна занимать; - о том, как она влияет на характер общества; о том, как техника включается в систему политических отношений, в сферу власти; о том, как техника воздействует на психическую, духовную, интеллектуальную жизнь; как устранять негативные последствия технического прогресса; наконец, проблема формирования особой системы нравственных норм жизни в техническом мире. Речь идёт как об анализе техники вообще, так и об анализе отдельных, конкретных технических артефактов.

Подытоживая, мы видим, что техника – это сложный феномен культуры: - это средство преобразования среды, естественной и культурной; - это посредник между человеком и природой, который задаёт определённый тип отношений между ними (а именно, постепенно формируется агрессивный тип); - наконец, это средство, изменяющее самого человека и задающее проблему человека в мире техники. [13]

Пространство материальной культуры включает не только вещи, которые человек создаёт, и процессы создания этих вещей, но и самого человека, точнее его тело. С точки зрения теории культуры можно выделить особую сферу возделывания человеческого тела, его окультуривания – это физическая культура в широком смысле. Иногда физическую культуру рассматривают как один из комплексных видов, так же, как и художественную культуру, но все области и явления материальной культуры, как мы видим, в той или иной степени соединяют в себе черты материальные и идеальные (духовные).

Каким образом человеческое тело окультуривается, то есть включается в пространство культуры – идеалов, смыслов, значений, символов, норм и т.д.? Физическая культура в широком смысле охватывает целый ряд направлений такого возделывания тела.

Во-первых, культивирование здорового образа жизни. Само понятие «образ» здесь говорит о некоем идеале, на который нас ориентирует наша культура. Забота о здоровье является культурной универсалией, поскольку она тесно связана с самой жизнью человека в физическом, биологическом смысле этого слова, с его выживанием. Конкретные же образы здоровой жизни культурспецифичны, обладают разным содержанием и занимают разное место в системе ценностей культуры. Так, например, современная западная культура позиционирует здоровый образ жизни как одну из ключевых ценностей, в то время как для стран с низким уровнем экономического развития и благосостояния населения характерна в первую очередь забота о самой жизни, выживании, а не о здоровом образе жизни. Можно сказать, что ценность здорового образа жизни и заботы о своём теле вообще сегодня является маркером среднего класса. Практики здорового образа жизни как бы сигнализируют: мы имеем достаточно ресурсов (интеллектуальных, материальных, временных), чтобы заботиться о своём теле, здоровье и уровне жизни. С другой стороны, скажем, в Советском Союзе ценность здорового образа жизни маркировала так называемого советского человека - человека-строителя светлого коммунистического будущего. Это будущее подразумевало, а его строительство требовало всесторонне и гармонично развитую личность, в том числе развитую телесно. В любом случае здоровый образ жизни выступает как гуманистическая ценность, но, по сути, материальная, а не духовная.

Во-вторых, физическая культура в широком смысле включает в себя собственно физкультуру (в узком смысле), то есть любительские занятия физическими упражнениями. Часто мы видим этот элемент включённым в первый – в культивирование здорового образа жизни. В отличие от заботы о здоровье он не является культурной универсалией. Важным он, опять же, становится в первую очередь в пространстве современной культуры, когда человек всё больше отходит от физического труда и возвращается к физическим нагрузкам уже с другими целями и другими смыслами. В пространстве современной культуры физическая нагрузка, как и многое другое, становится

предметом нашего свободного выбора, а не вынужденностью, как, например, труд земледельца в Средние века или тренировки мужчин - будущих воинов в Древней Греции.

Третье направление возделывания тела – это спорт, то есть профессиональные занятия физическими упражнениями. В отличие от физкультуры здесь речь идёт не столько о цели гармоничного развития своего тела и заботы о здоровье, сколько о цели достижения наивысших результатов и получении гонорара за свою деятельность. К спорту сегодня относят как современные развлечения с использованием различных новейших достижений технологического прогресса, в том числе средств массовой коммуникации (как, например, киберспорт), так и разнообразные традиционные игры, связанные с национальными обычаями. Из всех спортивных традиций наиболее влиятельной во всём мире стала так называемая англо-саксонская модель (включающая такие виды спорта, как гольф, теннис, футбол, регби и т.д.), потому что она оказалась с конца XIX века сопряжена с интенсивным развитием массовой культуры. [8] Сегодня эта модель существует как глобальный формат. Для него характерна, с одной стороны, своеобразная сакрализация спорта, тесно связанная с продвижением идеалов «олимпизма», а с другой стороны, коммерциализация спорта. И та, и другая черты порождают культ героев, который очень свойственен современному глобальному спорту (впрочем, как он был свойственен спорту всегда).

Можно выделить особую категорию спорта, которая находится на стыке собственно спорта, физкультуры и игры – это так называемый этносport. Под этносportом понимают локальные спортивные состязания, которые исторически сложились у отдельных, как правило, небольших народов или этнических групп. По сути это то, с чего спорт начинался, - демонстрация двигательных навыков, которые были тесно связаны с потребностями адаптации к природно-географической среде. Такие состязания практически не детерминированы политическими и экономическими факторами, в отличие от спорта высоких достижений. Они часто имеют более игровой характер. По своим корням они тесно связаны с традиционными обрядами

(например, с инициациями), с религиозными ритуалами (например, с праздничными ритуалами). К ним относятся различные формы преодоления расстояний и препятствий, единоборства, логические игры и т.д. В результате таких спортивных состязаний, с одной стороны, совершенствуется физическая культура членов данного общества, а с другой, - укрепляются социальные отношения, потому что большинство представителей группы, как правило, проходит и через роль зрителя, и через роль непосредственного участника. [8]

Получается, спорт высоких достижений связан с массовой и элитарной культурами (масса – зрители, элита – спортсмены), а этноспорт – с народной культурой. В целом же спорт в разных своих проявлениях встраивается в любой тип культуры.

Четвёртое направление физической культуры – это медицина, как традиционная, так и современная. Наличие и использование медицинских знаний свойственно всем культурам. Можно говорить о том, что определённые «медицинские инстинкты» свойственны и животным. Но, опять же, от культуры к культуре, от эпохи к эпохе комплекс медицинских идей и практик разнится, часто весьма существенно. Как и в случае со спортом, в современной культуре эталонной стала западная медицина. В XX веке в науках, изучающих медицину как социокультурный феномен (в первую очередь в медицинской антропологии), сложилась особая терминология: собственно «медицина» – это медицина западного типа, основанная на соответствующей, медицинской, науке; «этномедицина» - традиции народного врачевания. Интересно, что, несмотря на укоренённость этномедицины в традиции, произошла некоторая подмена понятий, и именно такая медицина стала называться «нетрадиционной», в то время как под традиционной автоматически стала пониматься медицина западного типа. То есть наука и строго научный подход к лечению стали новой традицией – глобальным образцом, универсальным правилом, а различные народные формы целительства – некоей причудой и дополнением, иногда имеющим смысл.

Ситуация начинает несколько изменяться с последней трети XX века. Продолжительность жизни населения достигла небывалых

прежде показателей, но при этом значительная часть людей превратилась в хронически нездоровых, их состояние было невозможно улучшить только средствами официальной клинической медицины. Врачи стали вынуждены обращать внимание на культурную и психологическую составляющие. Некоторые доктора начали говорить о кризисе господствующей модели, в основе которой внимание к биологической стороне человека, активное использование «объективного медицинского знания» и широкое привлечение новых технологий. Был поставлен вопрос об обращении к более универсальной модели предоставления медицинской помощи, когда в расчёт берётся не только тело, но и душа, и социокультурные характеристики пациента. [9] Именно эта модель более свойственна незападным традициям врачевания. Наконец, следующим шагом стало признание (не полное, но достаточно широкое) западной медицины как одного из вариантов «этномедицины», то есть как особой «культурной системы». Это подразумевало, что «наука», являясь специфическим основанием западной «культуры», логически является основанием и западного варианта медицины. Причём речь идёт именно о естественнонаучном знании. Но это не универсальное, а культурспецифичное основание. И чтобы подчеркнуть эту культурспецифичность, а не универсальность подхода, по отношению к медицине западного типа исследователи стали применять наименование «биомедицина», то есть медицина, лечащая биологическую сущность, тело.

Мы видим, что медицина как элемент физической культуры и, шире, материальной культуры, в первую очередь характерна для западного типа культуры. Здесь медицина делает акцент на тело человека, в то время как для многих других медицинских традиций, например, индийской или китайской, в центре внимания находится человек как целостность, и даже первостепенную роль играет не собственно тело, а, например, энергии или состояния духа.

Ещё одним направлением физической культуры и способом окультуривания тела является танец. Часто танец, хореографическое искусство включается в сферу художественной культуры, поскольку он связан с созданием неких образов, с эстетикой. Но многие

элементы культуры сложно однозначно классифицировать, потому что человек – существо синтетическое и его действия, деятельность чаще всего не подчиняются какой-то единственной цели. Культура танца включает умение владеть своим телом; умение телесно выражать чувства, эмоции, послания; умение через своё тело и гармонию его движений устанавливать социальные контакты и презентовать себя; умение использовать ритмичность движений для погружения в изменённые состояния сознания и контакт с миром сверхъестественного. Во всех культурах тело используется подобным образом.

Наконец, последнее направление окультуривания тела, которое необходимо отметить, связано с различными видами украшения и трансформации, модификации тела. Здесь речь идёт о самых разных способах: культуризме и пластической хирургии, косметике и татуировках, боди-арте и похудении и т.д. В отличие от предыдущих направлений окультуривания в данном случае тело для того, чтобы стать культурно приемлемым, соответствующим культурным идеалам, выражающим определённые культурные или социальные смыслы, чем-то дополняется или как-то модифицируется. Например, юноша прошёл инициацию – об этом говорит специальный узор из шрамов на его коже; женщина замужем – об этом говорит кольцо на её пальце; девушка хочет соответствовать канонам красоты – об этом говорят её губы, увеличенные с помощью инъекций. Но, конечно, все эти знаки о чём-то «говорят» только тому, кто говорит на языке одной культуры с их носителем, кто находится в той же самой знаково-символической общности. Это самый семиотически нагруженный пласт физической культуры.

Ещё раз, все упомянутые позиции, направления – здоровый образ жизни, физкультура, спорт, медицина, танцы, украшения и боди-трансформации – можно осмыслить с точки зрения выделения универсальных, региональных и уникальных черт. Это помогает разобраться в том, что имеет корни в биологии, а что в культуре.

Если отвечать на вопрос, в чём же сущность физической культуры как сферы культуры, можно сказать, что её сущность в гармонии физического (то есть телесного) и духовного (то есть социального,

культурного), и достигается эта гармония одухотворением физического: телесное одухотворяется культурным, социальным. Этот принцип ярко отражает сущность культуры в целом, соотношение биологического и социокультурного, материального и духовного.

Если говорить о личности человека, разъединение тела и культуры, разведение внутреннего мира человека и его внешнего воплощения может иметь отрицательные последствия, когда одно развивается в ущерб другому. Например, когда телесно-физическое развитие оторвано от других аспектов развития личности (прежде всего, интеллектуальных и нравственных), это может стать основой для определённых форм девиантного поведения. С другой стороны, разъединение тела и культуры может воплощаться в отсутствии потребности и навыков формирования эстетики тела, прежде всего повседневной, а это важный компонент культуры личности, и т.д. [11] Так или иначе, разъединение тела и культуры опасно формированием такого типа личности, который называется «одномерный» или «частичный».

Для того, чтобы отразить важность физической культуры для формирования личности, используется понятие «культура физического совершенствования личности» (по аналогии с нравственной или интеллектуальной культурой личности). Здесь речь идёт об установке на физическое совершенствование и на использование качеств, навыков и знаний, которые приобретаются в процессе совершенствования, в своей повседневной жизни. Например, совершенствование своих танцевальных навыков и их использование в соответствующих социальных ситуациях.

С точки зрения теории культуры, вовлекаясь в процесс физического совершенствования, человек познаёт себя, других, окружающий мир. Он развивает самостоятельность, творчество, инициативу, формирует свой характер и мировоззрение. И эта идея в той или иной степени присуща всем культурам. Но в том, какой характер, какие формы принимает физическое совершенствование, отражаются потребности общества или сообщества, его стиль жизни: начиная от различий в канонах телесной красоты и способах их достиже-

ния и заканчивая предпочтительными двигательными навыками, которыми считается важным овладеть, формами их овладения – в спортзале в одних обществах, в процессе охоты в других. Как и все элементы и формы материальной культуры, процесс физического совершенствования соответствует системе ценностей, которые наполняют данную культуру.

Можно сказать, что теория физической культуры представляет собой культурологическую концепцию телесности и процесса её формирования, человеческой телесности как одной из базовых ценностей. И как материальная культура сигнализирует о тенденциях культурного развития вообще, так и физическая культура, являясь её частью, говорит о каких-то более общих процессах. Например, в повышенном внимании к физической культуре в последнее время помимо прочего можно увидеть стремление человека что называется «заземлиться» в эпоху, когда нарастают виртуальность и уход в мир идей и образов.

Закольцовывая наш анализ и делая переход от тела обратно к вещам, обратимся к костюму. Это аспект материальной культуры, в котором объединяются эстетика и технологии, биологические потребности и знаково-символические системы. Знаковые коды и социальные значения костюма формировались на протяжении большей части истории. Изначально люди использовали одежду для удовлетворения элементарных биологических потребностей, связанных с существованием человека, как индивидуальным, так и видовым, для защиты от неблагоприятных природных условий. Но постепенно, по мере появления социальной дифференциации в результате перехода от экономически примитивных обществ к обществам с более сложной смешанной экономикой и по мере того, как развиваются технологии создания тканей, одежды, усложняется крой костюма, появляются первые попытки маркировать свой социальный статус посредством одежды. Можно сказать, что с тех пор одежда не столько физически прикрывает тело, сколько придаёт ему определённое культурное значение и смысл. Вплоть до того, что очень условным является разграничение «голого» и «одетого». На-

пример, для афганского талиба женщина без паранджи уже является недопустимо голой, и её появление в таком виде в общественных местах вызывает соответствующую реакцию.

Очень многообразны формы одежды. Одеждой может служить звериная шкура, маска, кусок ткани, любая форма боди-арта - раскраска, татуировка, скарификация и т.д. Боди-арт - древняя практика. В Сахаре обнаружены наскальные изображения раскрашенного или татуированного человеческого тела, которые относятся примерно к V тысячелетию до н.э., а может и к более раннему времени. В Японии изощрённая культура татуировки существовала уже две тысячи лет назад, причём татуировке подвергались как мужчины, так и женщины. Очень разнообразны формы татуировки и раскраски тела в Океании и Африке. Раскраска, татуировка или скарификация не только дополняют, но иногда заменяют одежду в узком смысле. [5] Если одежда нужна только для того, чтобы выразить некие социально-культурные смыслы – брачный статус, возрастной статус, племенную принадлежность, - но не для защиты от воздействия окружающей среды, почему бы не ограничить её боди-артом? Так и происходило в целом ряде культур, отчасти происходит сейчас.

Утилитарная и символическая функции одежды в каждом отдельном случае сочетаются уникальным образом. Как правило, одна из функций преобладает, и эти функции, в свою очередь, также неоднородны. Так, утилитарная функция может проявляться в материалах – одежда из меха для защиты от холода, в покрое - просторная одежда для вентиляции тела в жару, в составе костюма – пояс для ношения на нём или за ним различных необходимых предметов и т.д. Символическая функция тоже многогранна: она имеет религиозный, социальный, субкультурный и другие аспекты.

Заключение

В результате мы приходим к нескольким важным выводам. Во-первых, материальная и духовная культура находятся в отношениях диалектического взаимодействия. В сфере духовной культуры генерируются некие идеалы, которые потом опредмечиваются во

множестве вещей, а материальная культура, тесно связанная с научно-техническим прогрессом, может давать возможности для появления и развития новых форм духовного творчества. Так в своё время, в середине XIX века, формирование импрессионизма - новаторского художественного стиля - стало возможным благодаря тому, что в результате развития производственных промышленных технологий появились тюбики для красок, плоские кисти с железными обоймами и мобильные мольберты. Это дало возможность и художнику быть мобильным, писать с натуры широкими экспрессивными быстрыми мазками.

Во-вторых, материальная культура, включая нашу телесность, оказывает огромное влияние на самовосприятие, идентичность, мировоззрение как сообществ, так и отдельных людей. Внешнее не может не отзываться во внутреннем, так же, как и наоборот. Не случайно зачастую именно через манипуляции с материей - с предметным миром, который нас окружает, а также с нашим собственным телом - мы стремимся изменить свою сущность. Английский писатель Гилберт Кит Честертон (Gilbert Keith Chesterton) в своём эссе «Ортодоксия», рассуждая о необходимых нам ограничениях, которые на нас накладывает природа или Творец, приводит такую метафору: «Можно освободить вещи от чуждых или случайных, но не от природных свойств. Вы можете освободить тигра от заточения в клетке, но не от полос. Не освобождайте верблюда от грузного горба – вы рискуете освободить его от верблюдности. Не призывайте треугольники разрушить их треугольную тюрьму – если они вырвутся за пределы трёх сторон, их жизнь плачевно оборвётся» [14, с. 384].

Можно иметь разные взгляды на то, имеет ли смысл треугольнику переродиться в круг, теряя при этом свою изначальную сущность, или мужчине превращаться в женщину, но реальность такова, что есть определённые свойства материи, которые теснейшим образом связаны с самой сутью явления или человека, и изменение этих свойств непременно влечёт изменение сути.

В-третьих, уметь отделять случайные, ситуативные черты от сущностных, природных или культурных, – очень важная и непростая

задача, правильное её решение помогает избежать неоправданных потерь и разрушений, а трансформации сделать более осознанными. Является ли паранджа сущностной, пусть не природной, а культурной, чертой традиционной афганской женщины или чертой необязательной, случайной, возможно, чуждой? Размышления над такого рода вопросами очень важны в современном мире.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: Изд-во АСТ : Фолио, 2004. 678 с.
2. Гуторович О.В. Феномен современной техники: этические аспекты // Труды Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского. 2014. № 643. С. 196-201. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26337603_78481576.pdf
3. Дессауэр Ф. К философии техники. Что есть техника? – Термин и сущность // Онтология проектирования. 2016. Т. 6, №3 (21). С. 390-406. DOI: 10.18287/2223-95372016-6-3-390-406
4. Карпов А.В. Мир вещей [Электронный ресурс] / Культуролог – сайт о культуре вообще и о современной культуре в частности. URL: <https://culturolog.ru/content/view/14/7/> (Дата доступа: 28.03.2023)
5. Кон И.С. Мужское тело в истории культуры. М.: Слово, 2003. 432 с.
6. Льюис К.С. Предисловие к «Потерянному раю» // Льюис К.С. Избранные работы по истории культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 928 с.
7. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М.: Логос, 2001. 404 с.
8. Михайлова Н.В. Спортивное боление и коллективная идентичность // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2019. Т. 2, № 2(38). С. 90-96. URL: <https://www.uzknastu.ru/files/pdf/38/2/16.pdf>
9. Михель Д.В. Изучая культуру, здоровье и болезнь: медицинская антропология как область знания // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2013. Т. 2, № 1(70). С. 205-217.

10. Панарина Н.Ю. Текст и контекст: теоретический аспект материальной культуры // Культура. Духовность. Общество. 2013. №5. С. 115-118.
11. Попов Г.Н., Петухова О.В. Роль антропологии в формировании профессионально-педагогической культуры // Мир науки, культуры, образования. 2012. №2(33). С. 128-130.
12. Роль орудия в развитии человека: сборник статей / Э. Капп, Г. Кунов, Л. Нуаре, А. Эпинас. – Л.: Прибой, 1925. – 189 с.
13. Романова Н.В. Культурологические подходы к техническому развитию общества // Сборник научных трудов SWorld. 2011. Т. 29, № 4. С. 50а-52.
14. Честертон Г.К. Ортодоксия // Честертон Г.К. Вечный человек. М.: Политиздат, 1991. 544 с.
15. Шпенглер О. Закат Европы. М: Наука, 1993. 592 с.
16. Энгельмейер П.К. Теория творчества. СПб.: Образование, 1910. 208 с.
17. Энгельмейер П.К. Философия техники. Вып. 1. Общий обзор предмета. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1912. 96 с.

References

1. Berdyaev N.A. *Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka* [The Meaning of the Creative Act]. Moscow: AST : Folio Publ., 2004, 678 p.
2. Gutorovich O.V. Fenomen sovremennoj tehniky: jeticheskie aspekty [The phenomenon of modern technics: ethical aspects]. *Trudy Voенno-kosmicheskoy akademii imeni A.F. Mozhajskogo* [Proceedings of the Mozhaisky Military Space Academy], 2014, no. 643, pp. 196-201.
3. Dessauer F. K filosofii tehniky. Chto est' tehnika? Termin i sushhnost' [To the philosophy of technics. What is technics? Term and essence]. *Ontologija proektirovaniya* [Design Ontology], 2016, vol. 6, no. 3(21), pp. 390-406. <https://doi.org/10.18287/2223-95372016-6-3-390-406>
4. Karpov A.V. *Mir veshhej* [The world of things]. URL: <https://culturolog.ru/content/view/14/7/> (accessed 28.03.2023)
5. Kon I.S. *Muzhskoe telo v istorii kul'tury* [The male body in the history of culture]. Moscow: Slovo Publ., 2003, 432 p.

6. Lewis C.S. A Preface to “Paradise Lost”. Lewis C.S. *Izbrannye raboty po istorii kul'tury* [Selected works on the history of culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, 928 p.
7. Mumford L. The Myth of the Machine. Technics and Human Development. Moscow: Logos Publ., 2001, 404 p.
8. Mihailova N.V. Sportivnoe bolenie i kollektivnaja identichnost' [Sport Support and Collective Identity]. *Uchjonye zapiski Komsomol'sko-na-Amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Scholarly Notes of Komsomolsk-na-Amure State Technical University], 2019, vol. 2, no. 2(38), pp. 90-96.
9. Mikhel D.V. Izuchaja kul'turu, zdorov'e i bolezni': medicinskaja antropologija kak oblast' znanija [Studying Culture, Health and Illness: Medical Anthropology as a Field of Knowledge]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Vestnik of Saratov State Technical University], 2013, vol. 2, no. 1(70), pp. 205-217.
10. Panarina N.Y. Tekst i kontekst: teoreticheskij aspekt material'noj kul'tury [Text and context: theoretical aspect of material culture]. *Kul'tura. Duhovnost'. Obshhestvo* [Culture. Spirituality. Society], 2013, no. 5, pp. 115-118.
11. Popov G.N., Petukhova O.V. Rol' antropologii v formirovanii professional'no-pedagogičeskoi kul'tury [Role of anthropology in forming professionally-pedagogical culture]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [The world of science, culture and education], 2012, no. 2(33), pp. 128-130.
12. *Rol' orudija v razvitii čeloveka* [The role of a tool in human development]: collection of articles. Kapp E., Noiré L., Cunow H., Espinas A. Leningrad: Priboy Publ., 1925, 189 p.
13. Romanova N.V. *Kul'turologičeskie podhody k tehničeskomu razvitiju obshhestva* [Culturological approaches to the technical development of society]. *Sbornik nauchnyh trudov* [Collection of scientific papers SWorld], 2011, vol. 29, no. 4, pp. 50a-52.
14. Chesterton G.K. Orthodoxy. Chesterton G.K. The Everlasting Man. Moscow: Politizdat Publ., 1991, 544 p.
15. Spengler O. *Zakat Evropy* [The Decline of the West]. Moscow: Nauka Publ., 1993, 592 p.

16. Engelmeyer P.K. *Teorija tvorchestva* [Theory of creativity]. Saint-Petersburg: Obrazovaniye Publ., 1910, 208 p.
17. Engelmeyer P.K. *Filosofija tehniki. Vyp. 1. Obshhij obzor predmeta* [Philosophy of technology. Ed. 1. General overview of the subject]. Moscow: Tovarischestvo skoropech. A.A. Levenson Publ., 1912, 96 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Надежда Владимировна, доцент кафедры истории, археологии и краеведения, кандидат исторических наук
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
ул. Горького, 87, г. Владимир, Владимирская обл., Российская Федерация 600000.
cnadezhda@yahoo.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda V. Mihailova, Associate Professor; Chair of History, Archaeology and Local History; Ph.D. in History
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
3, Gorky Str., Vladimir, Vladimir Region, 600000, Russian Federation
cnadezhda@yahoo.com
SPIN-code: 7850-0336
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8427-3318>
ResearcherID: R-9256-2017

Поступила 06.06.2023

После рецензирования 19.06.2023

Принята 25.06.2023

Received 06.06.2023

Revised 19.06.2023

Accepted 25.06.2023